

Двенадцать ленивых слуг

Двенадцать слуг, которые весь день ничего не делали, не захотели и вечером утруждать себя, залегли в траву и давай своей леностью хвастаться.

Первый сказал: "Что мне за дело до вашей лени; мне и со своей не справиться. Забота о чреве - главная моя забота: ем я немало да, пожалуй, и пью не меньше. Четыре раза покушав, я опять пережду маленько, пока меня снова голод проберет, так-то мне лучше! Раннее вставанье - не мое дело; а когда время подходит к полудню, я опять ищу себе местечко, где бы уснуть. Коли господин меня кличет, я делаю вид, будто не слышу; кликнет в другой раз - так я еще повременю, поднимусь, да и потянусь не спеша. Вот так-то, пожалуй, еще можно жить на свете".

Второй сказал: "У меня лошадь на руках, но я ей корм когда суну, когда нет, да и скажу, что уж она поела. Зато высыпаюсь я отлично часов по пяти в ларе с овсом. Потом выставлю из ларя ногу и проберу лошадь раза два по животу, вот она и вычищена, и выглажена. Кто там смотреть станет? Но и при этом служба все же мне кажется очень тяжелою!"

Третий сказал: "Зачем себя мучить работой? Из этого никакого толку быть не может. Лег я на солнце, уснул. Начало на меня капать, но я вставать и не подумал! Пускай себе дождь идет. Но дождь-то в ливень превратился, да такой, что волосы с головы моей срывать стал и вдаль уносить клочьями, даже дыру в голове у меня продолбил. Я залепил ее пластырем, да и все тут. Таких-то бед немало уж у меня бывало".

Четвертый начал: "Перед началом каждой работы я часок промешкаю, что- бы силы свои поберегу. Потом начну работу потихонечку да все посматриваю, нет ли там кого-нибудь, кто бы мне мог помочь. На тех, кто подойдет, я и свалю работу, а сам только присматриваю: ну, да с меня и того довольно".

Пятый сказал: "Это что! А вы вот только подумайте, что мне приходится навоз из стойла выгребать и на телегу наваливать. Я, конечно, этого скоро не делаю: возьму немного на вилы, приподниму чуть-чуть да отдохну с четверть часика, пока на телегу вскину. Довольно и того, если за день возик вывезу: ведь не помирать же мне над работой".

Шестой сказал: "Стыдитесь! Вот посмотрите на меня: я никакой работы не боюсь, только сначала недельки три поотлежусь, да еще и платья-то с себя не снимаю. А пряжки зачем на башмаках носить? Пусть сваливается башмак: не велика важность! И вот, когда мне приходится на лестницу подняться, так я, обе ноги на первую ступеньку поставив, уж начинаю остальные ступеньки пересчитывать, чтобы знать, на которой отдохнуть".

Седьмой сказал: "Нет, мне так нельзя распускать себя: мой господин за моей работой присматривает, только он по целым дням не бывает дома. Но я все же ничего не упускаю: хоть еле ползу, а все же всюду поспеть стараюсь. Меня с места сдвинуть - разве только четверым здоровым малым под силу. Случилось мне до нар добраться, на которых уже шестеро друг около дружки спали: прилег и я к ним и заснул. Так заснул, что и не разбудить, а хочешь домой залучить - так на руках снеси".

Восьмой сказал: "Ну, вижу я, что я бодрее всех вас. Мне и камня на дороге не переступить: а где он лежит, там и я лягу, хоть будь тут грязь и лужа... Лягу и лежу, пока солнышко меня не обсушит: ну, разве что по- вернусь настолько, чтобы оно на меня светить могло".

Девятый сказал: "А я вот что скажу: сегодня хлеб передо мной лежал, да мне было лень к нему руку протянуть, чуть с голоду не помер. Ну и кружка передо мной стояла, да такая-то большая и тяжелая, что я ее при- поднять не мог, и решил - лучше уж жажду терпеть, И повернуться-то мне на бок не хотелось: весь день лежал, как чурбан".

Десятый сказал: "Мне от лени даже ущерб приключился - ногу сломал, и икры во как раздуло! Лежим мы втроем на проезжей дороге, а я еще и ноги вытянул. Едет кто-то в телеге и переехал по моим ногам. Оно, конечно, мог бы я ноги поотодвинуть, да не слышал, как наехала телега: комары у меня в ушах жужжали, в рот мне влетали, а через нос вылетали, ну, а прогнать их кому же охота!"

Одиннадцатый сказал: "Вчера я от своей службы отказался. Шутка сказать: целый день таскать туда и обратно тяжелые толстые книги для моего господина! Но, правду сказать, он меня отпустил весьма охотно и не пытался меня удерживать, потому что я его платья не чистил, оно в пыли лежало, и моль его изъела!"

Двенадцатый сказал: "Сегодня должен я был в телеге через поле переехать, положил на нее соломы, да и заснул. Вожжи у меня из рук выскользнули, и как я от сна очнулся, вижу - лошадь у меня почти, распряглась: сбруи на ней нет и следа; ни узды, ни шлеи, ни седельника. Шел ми- мо кто-то, да и